

МЕТАФИЗИКА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

А. БЕЛЛАНТОНЕ

АПОРИИ ПОЛИТИКИ ЗАМЕТКИ О КОНФЛИКТЕ

«Те, кто способен на самое большее — убить другого, могут лишь то, что равно могут и другие», — гласит пассаж из книги Гоббса «О гражданине»¹. Убить — значит действительно быть способными к «самому большему», к обращению человека в инерцию простого тела, в то, чем он никогда не хотел бы являться: в обычную вещь. Впрочем, Гоббс хорошо знал, что именно во взаимной возможности убить друг друга состоит неисповедимая тайна равенства. Никто не может обрести *tranquillitas*, спокойствие: достаточно отдавать себе отчет в том, «как легко даже самому слабому убить более сильного», для того чтобы испытывать беспокойство². Именно поэтому — читаем мы также в начале трактата «О гражданине» — люди живут «во взаимном страхе», причиняемом «природным равенством»³. Именно *природный* корень равенства является тем, что побуждает Гоббса к созданию политики страха, иными словами, тот факт, что человек есть смертное тело, предоставленное возможности стать абсолютно пассивным. Речь идет, очевидно, об очень специфическом равенстве, коренящемся не столько в умеренной игре разделяемой многими легальности, сколько, скорее, в способности совершать нечто радикально несоразмерное.

Гоббс ставит нас перед парадоксальным равенством, рожденным грозящей возможностью события, не обращаемого в рациональность: убийством другого. Если осмысливать равенство Гоббса в по-

---

¹ *Hobbes T. De Cive / A cura di T. Magri. Roma, 2005. P. 23. Цит. по русскому переводу: Гоббс Т. О гражданине // Он же. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана. М., 1989. С. 288 (прим. ред.).*

² *Ibid.*; Там же.

³ *Ibid.*; Там же. С. 287–288.

добных терминах, то оно действительно ужасно. Оно основывается, в противоположность напрашивающемуся естественному представлению о нем, на непропорциональности. Страх, если подразумевать под ним общее ощущение опасности, является цифрой этого *трагического* равенства, которому подчинены все люди. Политика, хотя она и стремится быть дисциплиной права и формы, в итоге всегда приходит к тому, что исповедует свою конечную основу, это бесформенное равенство страха. Впрочем, именно его самовыражение в виде взаимного страха людей проявляет существенное качество состояния равенства: оно никогда не обозначает взаимного уравнивания, но, напротив, всегда оборачивается возможностью разрыва равновесия предпринимаемых нами мер. Равенство образуется несоразмерностью равных. В этом смысле равенство всегда *возможно* только постольку, поскольку оно остается принципиально *невозможным*. Форма закона — это испытание, постоянно оборачивающееся промахом и постоянно предлагаемое вновь: испытание этого равенства возможного и невозможного в одно и то же время. Равенство постоянно разрушается в своем хиазме, снова и снова предлагая конфликт политической формы с самой собой. Равенство апоретично — и этим раскрывается конфликтное пространство его трагедии: именно потому, что оно никогда не может реализовать то, чем намерено стать.

* * *

Природность, естественность, о которой говорит Гоббс, — это и есть та *дикость*, которой кормится, вопреки себе самой, любая политика. Страх быть убитым выражает один из ее аспектов — *grim-visaged war*, явленную в первой сцене «Ричарда III» Шекспира, но этот аспект не единственный. Эту особенную естественность не в состоянии устранить никакое непредвзятое исследование политики. Всяким прикрытием одеждami рациональности (точнее, пограничной рациональности) наготы политического измерения достигается лишь устранение его основы, и тем самым только отдалается его подлинное осмысление. Поэтому от философского метода не следует требовать, чтобы он становился средством для проецирования форм рациональности его объекта: он, скорее, должен явить особую чувствительность в отношении того, что, пусть и бесформенно, все же представляет собой глубину политического измерения. В этом случае, так

же как и в других, следует избегать того, чтобы интеллект размещался, подобно тому как рекомендовал Гегель в «Феноменологии духа», «над» своим объектом, не давая ему проявить свою имманентную логику⁴. Пребывая *внутри* политики, мы ежеминутно наблюдаем, как политика выплескивается за собственные границы, в проявлениях бреда открываясь тому, что ставит под вопрос рациональную форму. Это бесформенное могущество является тем, что мы могли бы назвать архиполитикой, или просто *природностью* политики.

Архиполитика, таким образом, является необходимой отсылкой политической формальности обратно к миру страстей. Гоббс показал нам один из ее аспектов: страх. Но не следует полагать, что страх является единственным политическим *переживанием*, как полагал все-таки английский философ. То, что здесь действительно важно, это тот факт, что Гоббс являет нам политику как форму, укорененную в бесформенном — в оригинальной страстности человека. Когда Джамбаттиста Вико в «Основаниях новой науки» пишет, что историко-политический мир имеет два принципа — «ум и тело», он фактически раскрывает ту пропорцию — *тела больше, чем ума* — которая составляет подлинный секрет политики⁵. Поскольку она основана на переживаниях, таких как страх, доверие, подозрительность, дружелюбие, то политика — это и в самом деле феномен, касающийся в первую очередь тела, то есть того измерения, в котором каждый из нас представлен непосредственному отношению с другими, которое каждый раз делает нас уверенными, солидарными, озабоченными, испуганными и т. д. На этой тонкой и подвижной поверхности, какой является человеческая телесность, на этой *коже*, зиждется дикая природа политики — и неизбежное взаимодействие ее формальности с миром переживаний⁶.

* * *

Если мы обратимся к древнему различению Аристотелем домохозяйства и политики, мы вновь окажемся перед текстом, в очеред-

---

⁴ Hegel G. W. F. *Fenomenologia dello spirito* / A cura di E. De Negri. Firenze, 1993. P. 33.

⁵ Vico G. B. *La scienza nuova* / A cura di P. Rossi. Milano, 1996. P. 101.

⁶ О феноменологии телесности см.: Henry M. *Incarnation: une philosophie de la chair*. P., 2000.

ной раз демонстрирующим нам бесформенную природу политики. Аристотель напоминает, что в то время как «власть господина в семье — монархия», управление в государстве означает «власть над свободными и равными»⁷. Книги «Политики» напоминают также, что «в состав государства не только входят отдельные многочисленные люди, но они еще и различаются между собой по своим качествам, ведь элементы, образующие государство, не могут быть одинаковы»⁸. Проведение различия между политическим измерением и измерением семьи (которое распознается в необратимом множестве первого по отношению ко второму) — это то, что больше всего интересует нас в Аристотеле, который, впрочем, не медлит определить политическое пространство как простое «множество». В этом смысле очевидно первенство множественности над политическим единством, то есть очевидная необратимость *многих* в рамках единой конституциональной меры, поскольку последняя гарантирует только единство, заменяющее исконную множественность. В итоге Аристотель ясен: невозможно исполнять с помощью политики то, что делается пением, то есть «обратить хор в единый голос».

Реализовать политическое единогласие означало бы совершенным образом перенести в единую форму то, что является изначально множественным. Политика, как и всякое формальное упражнение, неизбежно принимает за единое то, что упорно сопротивляется унификации, и потому расплачивается за *переживание* многих, которое представляет собой изначальный факт. Каждый укореняет свое действие в измерении, совершенно отличном от других измерений, где действуют силы, которые не могут быть распознаны в рамках формальной геометрии, подобной той, что предлагает всякий раз политический законодатель. Находка Аристотеля относится поэтому к множественности как к приоритетному факту, который открывает агональное рассмотрение политического измерения. Этот дух агона, однако, не должен рассматриваться как инфраполитический элемент, но должен быть признан в качестве *трансцендентального переживания* политики, мешающего ее мнимой формальной бесстрастности.

---

⁷ *Aristotele. Politica / A cura di R. Laurenti. Roma; Bari, 2004. P. 14. Цит. по русскому переводу: Аристотель. Политика // Он же. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. С. 386. (прим. ред.).*

⁸ *Ibid. P. 32; Там же. С. 404.*

В этом смысле мы должны применить инновационную категорию, в соответствии с которой трансцендентальные условия политики — это не форма, а, скорее, переживание. Такое переворачивание понятия трансцендентальности неизбежно — ради того, чтобы понять, почему всякая политика не исчерпывается измерением и проработкой формы, но изначально является конфликтом переживаний.

* * *

Естественно, Аристотель не упускает из вида, что политика, если иметь в виду ее множественную сущность, не может иметь чисто формальную основу: «Государственное устройство — это распоряжение в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство»⁹.

Речь идет, следовательно, о власти и об общности — качествах, которые мы могли бы, несомненно, назвать пре-политическими, составляющими тайную логику политики. Если оставить в стороне власть, о чьей политической природе легко прийти к соглашению, то общность также вводится здесь как нечто, предшествующее политическому измерению: она должна быть поставлена до политики, поскольку составляет для нее *критерий чувствительности*. Власть и общность — это природные критерии политики, которые предшествуют ее логике: они являются подтверждением того, что политика живет исходной множественностью, которую она должна принять буквально, как *не-политический фундамент политики*. Эти пре-политические силы проникают в самый костяк трансцендентальной претензии и провозглашают ей шах, отображая глубину, обезображивающую и искривляющую ее форму. Достигнуть глубины политики — значит столкнуться с этим радикальным искривлением, которое составляет ее сущность и драму.

Аристотель, как и Гоббс, настойчиво приглашает нас взглянуть на то, что политическая философия хотела бы скрыть, на то, что вредно по сравнению с утешающим измерением конституционных форм и что составляет его неизбежный пролог. Логические институ-

---

⁹ Ibid. P. 119–120; Там же. С. 455.

ции политики — ее смысловые институции — оказываются, таким образом, основанными на более глубокой логике по сравнению с той, к которой мы обычно обращаемся. Эта глубинная логика — которая в ограниченно-рациональном восприятии могла бы показаться простым фактором нерациональности — должна быть определена как архирациональность в политике. Политика — и если она склонна к антипатии, и если склонна к симпатии, к столкновению сил или к их объединению — всегда оказывается феноменом множественности: она демонстрирует непрестанное расхождение со всяким измерением *more logico*. И в самом деле, если традиционное логическое понимание подразумевает обращение к единству, то политика нуждается в логике расхождений, она более способна к измерению дистанции, чем к измерению близости. В этом смысле политика всегда основывается на конфликте, она отказывается от синтеза смысла, следуя, напротив, предпочтениям отхода или преломления. Логика политики, поскольку это логика конфликта, представляет собой процедуру дифференциации, которая положительным образом принимает изобилие множественности, избегая ее *reductio ad unum*.

* * *

Следовательно, конфликтную природу политики нельзя искать в утверждении, согласно которому вся политика есть игра сил. Если бы это было так, политика сводилась бы к простой полемологии или банальному измерению страхов. То была идея Гоббса, который видел только аспект ее жестокости и поэтому оправдывал обратимость множественности в простоту суверенной власти. На самом деле исходный конфликт, которым живет политика, устанавливается между формальным измерением и архиполитической сферой. В этом смысле политика есть конфликт даже тогда, когда она принимает как критерий принцип общности, поскольку легитимируется исходя из того, что не принадлежит формальной или рациональной сфере. Даже тогда, когда политика *формально* провозглашает равенство людей, она приобретает власть из сферы, которая не является формальной и которая не может быть до конца декодифицирована рациональным ключом. В этом состоит то, что мы могли бы назвать трансцендентальным парадоксом политики, без которого нельзя было бы объяснить ее неразрешенной динамики. Проявляется ли она

как симпатия или как антипатия, политика в любом случае живет тенью, которая возвращается к своему свету и которая изначально демонстрирует ее, политики, структурную слабость. Несмотря на все усилия, которые политика полагает на попытки утвердить собственные славу, величие, превосходство, справедливость, она все равно живет *insecutitas*, неуверенностью, от которой не может избавиться. В этом заключается свойственная политике печаль, которую трудно не заметить во всех ее учреждениях, а именно в акте их самопрославления. И здесь скрывается подлинная неукорененность, без/основательность политики, заставляющая ее колебаться между комедией и трагедией, постоянно признавая фундаментальный парадокс этой неукорененности.

То, что проявляется из анализа *естественности* политики — это ее несводимость к простому. Политика — феномен множественности, в которую всякий и всегда вовлекается в рамках особой динамики несоразмерности с другим. Несмотря на то, что политика, как измерение пропорциональности и узнаваемости, всегда стремится четко измерить то, что сопротивляется любому измерению, ее попытки все-таки обречены на вечный провал: в самой своей глубине она обнаруживает нечто экстраординарное и чрезмерное. Конфликтная динамика политики — если понимать эту динамику в указанном выше широком смысле, принципиально непредставима до конца в границах театра смысла. Основания политики, если размышлять именно о симпатии или антипатии, — это феномены переживания, сопереживаемости, которую сложно скрыть за занавесом ограниченной рациональности учреждений. Политическому правилу всегда мешает тот фоновый шум, который фактически его составляет и который требует каждый раз его восстановления *ab imis fundamentis*. Можно даже сказать, что кажущееся *помехой* политике и есть то, что составляет ее истинную глубину.

Добираясь до корней политического феномена — то есть следуя за самой политикой — мы обнаруживаем, что это феномен переживаемости. Как хорошо показал Гоббс, по крайней мере в отношении ее негативного аспекта, политика основывается на некой ранимости. Исходя из предстояния перед другим, которое может дойти до крайнего случая убийства, я переживаю свою неизбывную готовность к тому, что другие могут со мной сотворить. С другой стороны, даже

когда я обнаруживаю в себе естественную симпатию к другим, я открываю для себя, что мое социальное положение — это вопрос переживания. В обоих случаях политика есть попытка вынести на свет этот мир переживаний — и сделать так, чтобы он мог бы проявиться в свете определенной формы. Самым интересным, однако, представляются не столько усилия политики превратить себя в тотальность, реализуя вполне формальную утопию, сколько исследование, проводимое современностью, со всеми последствиями, принесенными его промахами, если смотреть на это с прагматической точки зрения. То, что действительно важно, по крайней мере в данном контексте, так это встать на сторону *переживаемости* и открыть таким образом то измерение, которое производит социальная динамика в качестве отражения обычной политики. Полагая себя находящимися в этой особенной точке наблюдения, мы будем способны увидеть подлинную конфликтность, которая одушевляет политику, и обнаружить причины ее необходимого концептуального расширения.

* * *

Согласно Дж. Вико, политическая сцена — это лес. Конституирующий акт политического чувства в начале «Оснований новой науки» — это разделение между лесом и городом¹⁰. Превосходный интерпретатор древних, Вико прекрасно знал, что жестом установления границ поместья основатели цивилизации совершили подлинное установление политики. Крайне интересно, однако, не только то, что подобное разделение никогда не происходит — то есть изначальный жест должен предлагаться все снова и снова — но также и то, что поместье не остается непроницаемым для внешнего воздействия. Понять «дикую природу» политики — это значит понять, что без прямой связи с тем, что не является политикой (связь, которая, да будет это ясно, и есть конфликт), нет и никаких учреждений. Политические учреждения — это не пространства, в которых конфликт будет аннулирован, но это измерения, в которых столкновение сублимируется и находит свою репрезентацию. Одна из задач политических учреждений — это именно задача быть театром, местом, где жестокость пре-политики, как бы она ни понималась, становится чем-то чисто идеальным. В этом смысле политика — закономерно

---

¹⁰ Vico G. B. La scienza nuova. P. 96.

нереальный мир, далекий от общества, замкнутый и изолированный во Дворце. Внутри политических учреждений действует принцип сублимации, согласно которому они проницаемы по отношению к пре-политике, но они должны с необходимостью перевести этот принцип в символическое измерение.

Без этого символического процесса, который является истинной, постоянной и напряженной работой политики, не было бы никакой конституции: учреждения являлись бы лишь аренами, на которых льется кровь, или машинами угнетения. Поэтому в политике есть эмпирическая конфликтность (та, которая происходит *внутри* ее пространства, и которая всегда является репрезентативной) и конфликтность более глубинная, исходная. Вторая устанавливает саму возможность первой, которая является всего лишь идеализирующим упражнением второй. Исходная конфликтность политики — это сила, присущая преформальному источнику политики, которая делает невозможным приобретение политикой окончательного профиля. Благодаря ее действию мы можем действительно понять насыщенность политического конфликта и его насильственность по отношению ко всякому закону — но также и тот факт, что всякий закон не может обойтись без этой насильственности. В противном случае ценной будет отсутствие смысла. Пре-политический конфликт политики — это политическое переживание, заложенное в человеке как в телесном и чувствующем создании — создании, способном именно к переживанию. Сфера пре-политики — это не просто нерациональная сфера, некое пространство закалки эгоизма и жестокости. Это и сфера переживания, в которой люди объединяют сопереживаемость согласно чувственным критериям силы и единения: с той, однако, сложностью, что политика — это именно спекулятивная репрезентация. Зеркала политики никогда не предлагают настоящее *присутствие*, поскольку им не хватает (и должно не хватать) голой плоти человеческой реальности. Это причина, по которой политика всегда является призрачной и бесчеловечной: она диким образом настроена на то, чтобы реализовать цель, которая лишь подражает человечности, производя подлинное *страдание* человеческой плоти.

Политика всегда действует в некоем *театре*, и этот театр — сеть выражений действительности, но он никогда не является пространством примирения. Политика всегда агональна — иначе бы и быть не могло. Агональность или конфликтность политики не учре-

ждаются только между *внутренними* элементами политического пространства, но исходно присвоены самому фундаменту политики. В этом смысле основа политики, в действительности, — хиазм, ложное движение, нарушающее сам принцип. Эта конфликтность есть подлинное напряжение, создаваемое *глубиной* или *насыщенностью* политики, ее драматическая сила. Несмотря на то, что инфраполитические учреждения стараются исправить эту насыщенность, эти переживания политики, их попытка неосуществима. Диалог, коммуникация между политическими субъектами происходит на фоне, который не принадлежит диалогу и который снова и снова фрагментируется. Фрагментация политики — то, что не позволяет обратить это измерение к миру: политика знает только конфликты — сублимированные, репрезентированные, поставленные на сцене. Это причина, по которой политическая призма никогда не являет собой упорядоченной гармонии, но всегда представляется репрезентацией некоего волнения; и «золотые века» — это мифологема, за которой прячутся определенные политические переживания, всегда обреченные на создание новых разделений и новой фрагментации.

* * *

Постоянно возвращающееся *варварство* Вико не возвращается: не только в том смысле, что оно всегда уже здесь и никогда не могло бы уйти или раствориться в рациональном диалоге. Исчезновение варварства — разрешение его проблемы превращением злого смеха в маевтическую улыбку — действительно невозможное дело. Варварство, о котором здесь идет речь, это не только жестокость, но также корень духа общества. Это и есть глубокая причина, по которой негативность политики никогда не может быть устранена: в самом деле, устранить ее — означало бы устранить саму политику. Следовательно, с этой точки зрения становится явственным некое более глубокое варварство по сравнению с тем, с которым политика должна была бы сражаться. Речь идет о некоем основательном переживании, всегда множественном и неизбежно гетерогенном, которое представляет собой саму душу учреждений. Этот варварский фон является тем, что всегда ставит политику в состояние конфликта и никогда не позволяет ей сводиться к *форме*. Перед нами раскрывается неразрешимый парадокс, который делает политику измерением неразрешенного, и который является конфликтом всех конфликтов, или трансцендент-

ным источником агональности, исходной по отношению к инфраполитической. В каждом жесте политика *подражает* некоему варварству, которое остается ее подлинным лицом. Речь идет об игре двойных зеркал, согласно которой политическая репрезентация подражает тому, чем она в действительности является, хотя обретает свою подлинную реальность только в этом акте мимесиса. Здесь кроется причина, по которой политика живет сущностным конфликтом, в котором маска и игра *dramatis personae* являются действительностью, только если отдавать себе полный отчет в том, что они *не* являются действительностью. В этом смысле, конечно, не очень легком для понимания, и можно говорить о конфликтной логике политики.

Взгляд формы — это взгляд Горгоны. Она не улавливает ту *чуждовещность*, которая является переживанием политики. Переживание дружбы и переживание вражды — это не просто иррациональные сущности: они выходят за рамки формы. Пре-политическая конфликтная игра этих переживаний (составляющих *самость* политики) — это то, что придает политической формальности насыщенность и представляет собой ее глубину. И, однако, действие политики и ее неразрешенность состоят в том факте, что она не может отказаться от этой плоти и должна всегда оказываться неосуществляемой попыткой измерения неизмеряемого. Политика в данной перспективе — это перечисление диспропорций. Диспропорция или безобразность, о которой мы говорим, — это то, что производится *плотью* политики, это политическое тело. Политическое тело, переживание политики — это то, что составляет плоть и кровь учреждений. Тело, телесность являют воплощение политики: дружба, вражда, симпатия, антипатия, страх, доверие, — все это телесные глубины политики. В них или благодаря им политика *живет*. Политическая жизнь (которая отличается от простой *формы* политики) составляется прежде всего расходящейся и постоянно меняющей направление динамикой переживаний политического тела. В этом мире переживаний политика имеет свое измерение — свое сплетение. Вот почему политика не может являться сферой голого рационального расчета или простой равновесной коммуникации: она всегда живет сущностным неравновесием и логикой неперечисляемого.

* * *

Политика — это *подголосок*. Не собственно надстройка, как говорил Маркс, но измерение репрезентаций и репрезентационности. В таком смысле подголоском она может быть по отношению к идеологии, к семье, к человеку, к сословию, к религии — и однако она никогда не может управлять во имя самой себя. Легитимность политики никогда не является политической. Политика — которая никогда никому не принадлежит — становится каждый раз чьей-то, согласно логике стяжательства, которая нужна только для того, чтобы раскрыть ужасную данность: политика *an sich* никогда никому не принадлежит и изначально ищет хозяина. Приобретение власти и овладение властью — это естественные «грамматические склонения» политики, без которых она не может существовать. Таким образом политика показывает свою внутреннюю конфликтность, поскольку она никогда не является легитимной сама по себе. Именно из-за этого политические пространства — всегда пространства завоевания и сражения ради легитимности. В сражении за легитимность, бесконечном агоне, состоит *Beruf* политики. В этом, наверное, заключается задача политики как профессии — и также ее тревога. Тревожность политики, ее суета происходит из ее сущностного условия. Не поняв эту тревожность, мы не поймем саму политику — она, действительно, является тревогой по поводу узнавания неузнаваемого. Вот почему политика нуждается в терпении и времени: история, постольку, поскольку она является терпеливым трудом, — это политическое изобретение (в этом смысле история — всегда история политическая). Даже сами терпение, умеренность являются пре-политическими: они не исполняют ничего иного, кроме как замедляют автоматическую процедуру политической формальности, с тем чтобы попытаться сделать ее адекватной парадоксу, чтобы избежать ее исчезновения, обращения в мертвую форму.

Дошедшему до этого пункта рассуждений не составит труда понять, почему политика представляет собой пространство конфликта. Очевидно, не только потому, что люди приходят в столкновения друг с другом, но, в более общем смысле, потому что политика — это парадоксальное измерение, которое приписывает самому себе невозможную задачу и, несмотря на это, продолжает следовать ей. Эта невозможная задача заключается в том, чтобы *не* быть измерением воплощения, покинуть свое переживание. В этом смысле политика жи-

вет трансцендентальной конфликтностью, которая неизбежно знаменует ее судьбу. Открыть то, что — в начале наших размышлений — было названо *естественностью, природностью* политики — значит раскрыть конфликтность, которой политика питается, и которая дарует ей субстанцию. Этот конфликт — который проявляется даже тогда, когда общность составляет плод политики, а не только в случае столкновения противоположных сил — не менее радикален, чем тот, который разражается *между* политическими субъектами: он являет собой неизбежную предпосылку самой политики, досаду, которая никогда не сможет быть устранена без устранения самой политики. Но необходимо все-таки заметить, что эта пре-политика, которая представляет собой драматизацию политики, не является просто иррациональной данностью: мы говорили о переживаниях, которые, во всем своем множестве и со всей своей мощью, требуют иной логики по отношению к логике форм и репрезентаций. Искать эту логику — означает двигаться в направлении элемента, который, хотя и *социален*, все-таки не является *политическим*. Речь идет о поиске, который уже выходит за рамки этих рассуждений и к которому необходимо будет обратиться в последующем.

*Перевод с итальянского С. М. Капицупи
под редакцией И. О. Ермаченко.*